

Галина Алексеевна Андриец¹

andriets2005@list.ru

ОТРАЖЕНИЕ РУССКО-ЯПОНСКИХ КОНТАКТОВ В ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

Рассматривается русско-японское взаимодействие в повседневной культуре российского Дальнего Востока конца XIX — начала XX в., ставшее следствием активного заселения восточной окраины и формирования японской диаспоры. Отмечается преобладание японских мигрантов в сфере обслуживания и занятии ремеслом. Проблемы адаптации японских переселенцев к новым условиям проживания частично решались посредством создания курсов русского языка и открытия детских школ. Выявлено, что большую работу по изучению языка, истории, географии, экономики Страны восходящего солнца проводил Восточный институт Владивостока. Местом общения, развлечений и укрепления дружественных связей японских горожан был Владивостокский клуб «Урадзиосутоку нихондзин курабу» (1902 г.). В статье показано, что японцы чтили и соблюдали свои традиции (в частности пищевой культуры и одежды), отмечали русские и китайские праздники (Новый год, праздники, связанные с императорской фамилией). Среди примеров межкультурного диалога автор выделяет «японские публикации», появившиеся после Русско-японской войны и знакомившие соотечественников с русской классической литературой XIX в., работу владивостокского общества «Приморский экскурсант», которое предлагало новые формы культурной активности, позволявшие больше узнать о странах, ранее считавшихся экзотическими, в том числе о Японии. Уделяется внимание деятельности издававшейся во Владивостоке японской газеты «Урадзио ниппо» (1917—1922 гг.). В целом русско-японские контакты свидетельствовали о культуре как фундаментальной основе процесса развития, сохранения, укрепления суверенитета и самобытности народа, находящегося в инонациональном окружении.

Ключевые слова: русско-японские контакты, российский Дальний Восток, Япония, повседневная культура, взаимодействие.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Galina A. Andriets²
andriets2005@list.ru

**REFLECTION OF RUSSIAN-JAPANESE CONTACTS
IN EVERYDAY CULTURE RUSSIAN FAR EAST
(THE END OF THE 19th CENTURY – THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY)**

The Russian-Japanese interaction in the everyday culture of the Far East of the late nineteenth and early twentieth century's is considered as a result of the active settlement of the eastern outskirts and the formation of the Japanese diaspora. There is a predominance of Japanese migrants in the service and craft sectors. The problems of adaptation of Japanese immigrants to new living conditions were solved by creating Russian language courses and opening children's schools. It was revealed that a lot of work on the study of the Japanese language, history, geography, and economics of Japan was carried out by the Oriental Institute of Vladivostok. The place of communication, entertainment and the strengthening of friendly ties between Japanese citizens was the Vladivostok club "Urad-siosutoku Nihondzin Kurabu" (1902). It is shown how the Japanese honored and observed their traditions, especially in culture of food and clothing, celebrated Russian, Japanese and Chinese holidays, the New Year and holidays associated with the imperial family were widely celebrated. It was emphasized that after the Russo-Japanese War, "Japanese publications" began to appear, acquainting compatriots with Russian classical literature of the 19th century, especially with the prose of Tolstoy and Dostoevsky. It is emphasized that in the 20th century new forms of cultural activity have arisen, allowing you to learn more about countries formerly considered exotic, including Japan. Great work in this direction was carried out by the Vladivostok society "Seaside excursionist". It is noted to activities in Vladivostok the Japanese newspaper "Urazzio Nippo" (1917–1922). In general, Russian-Japanese contacts testified to culture as the fundamental basis of the process of development, preservation, strengthening of the sovereignty and identity of the people who are in unusual environment.

Keywords: Russian-Japanese contacts, Russian Far East, Japan, everyday culture, interaction.

В процессе регионализации и локализации культур проблема интеграции переселенцев в новые условия проживания относится к ключевым вопросам стабилизации общества. Разрыв с традициями исторической родины, стремление к сохранению своей идентичности при переселении на новые территории, часто с противоположными особенностями культурного развития, приводит как к напряжённым отношениям на бытовом уровне, так и к проблемам формирования культуры региона в целом. Культурный диалог в данном контексте становится одним из самых востребованных

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

методов разрешения противоречий, в связи с чем особую актуальность приобретает изучение исторического опыта успешного межкультурного взаимодействия в регионах. На рубеже XIX—XX вв. на Дальнем Востоке России самобытные традиции представителей разных национальностей играли важную роль в формировании культуры региона, оказывали существенное влияние на содержание социального жизнеустройства. Культура любого сообщества людей представляет собой одновременно и результат, и процесс: хранение, освоение, создание и распространение духовных ценностей, благодаря чему формируется определённое культурное пространство, характеризующее именно данное сообщество. Одним из механизмов успешной адаптации переселенцев к новым условиям является культурный диалог, обеспечивающий возможность мирного сосуществования разных народов.

В последнее время отмечается значительное увеличение числа работ, исследующих многолетние русско-японские отношения — военно-политические, экономические, культурные [2; 3; 13; 15 и др.]. Выявлено множество материалов, стимулирующих углублённые научные изыскания, причём особенно привлекательным для российских учёных оказался период конца XIX — начала XX в., вместивший в себя не только военный конфликт 1904—1905 гг., но и острый взаимный интерес россиян и японцев [5; 7; 11; 14; 16; 17 и др.], послуживший основанием для возникновения межкультурного диалога. Цель статьи — рассмотрение основных форм русско-японских контактов в повседневной культуре Дальнего Востока конца XIX — начала XX в.

С середины XIX в. в результате активного заселения восточной окраины Российской империи наблюдалась отчётливая поляризация культурного пространства. С одной стороны, складывались устойчивые локальные «гнёзда», которые были представлены народными традициями разных миграционных потоков, сосредоточенными главным образом в сельской местности, с другой — происходило формирование городского населения, ориентированного на профессиональные формы культуры европейского типа [10, с. 6]. В процессе формирования населения наблюдалось слияние нескольких миграционных потоков: наряду с российской (славянской) колонизацией в регионе появились иммигранты из сопредельных азиатских и европейских государств [16, с. 17]. К концу XIX в. численность иностранцев выросла во всех городах региона. По данным переписи 1897 г., во Владивостоке проживали 12 577 иностранных подданных, в Хабаровске — 4024, в Благовещенске — 3338, в Николаевске-на-Амуре — 1395 чел. Большинство иностранцев являлись подданными Китая, Кореи и Японии [16, с. 36].

Формирование японской диаспоры началось с середины 1870-х гг. Так, во Владивостоке в 1875 г. проживало 50 японцев, по данным переписи 1883 г. — 201 чел., в 1884 г. — 412 чел. В начале 1890-х гг. свыше 90% японцев жили в городах, по-прежнему отдавая предпочтение

Владивостоку [16, с. 32]. Как показала перепись 1897 г., численность японцев во Владивостоке составляла 1249 чел., в Хабаровске — 206 чел., в Николаевске-на-Амуре — 92 чел., в Благовещенске — 227 чел. Сосредоточение иммигрантов в городах было очевидным. Например, перед Русско-японской войной только во Владивостоке проживало около 3 тыс. японцев, а накануне Первой мировой войны их численность достигала примерно 5 тыс. чел. Только на рыбных промыслах в 1889—1901 гг. трудилось не менее 8 тыс. японских рабочих, в 1912 г. — около 14 тыс., в 1913 г. — свыше 16 тыс. чел. [16, с. 32]. Многонациональный состав населения дальневосточных городов, в котором представители японской диаспоры занимали далеко не последнее место, определённым образом формировал такое многоуровневое пространство культуры, где новации территории недавнего освоения коррелировали с устоявшимися традициями населяющих её народов.

В повседневной культуре региона XIX—XX вв. наблюдалось расширение культурных контактов, заимствование и даже перемена культурных ценностей, что отражало главный смысл межкультурной коммуникации — возникновение интереса к другому и взаимодействие с ним с целью познания.

Любые национальные культуры, наряду со спецификой, имеют общечеловеческое содержание, что обеспечивает возможность диалога. Взаимодействие культур — особый вид отношений, обогащающий и отдельную личность, и сообщество в целом, однако на Дальнем Востоке такое взаимодействие затрудняется принадлежностью участников процесса не просто к разным культурам, но к разным цивилизациям. Например, «приказчики японских магазинов и конторские служащие» Владивостока «испытывали затруднения из-за незнания русского языка». Для них были открыты «краткосрочные курсы русского языка, которые вёл на первых порах бесплатно в вечернее время учитель японской начальной школы Санами, позже был приглашён русский учитель» [14, с. 96].

По свидетельству современников, японцы старались трудиться в тех отраслях, которые требовали аккуратности, исполнительности и определённой смекалки. Японские заведения выгодно отличались качеством сервиса, быстрым исполнением заказов и невысокой платой. В основном японцы преуспели в сфере обслуживания (прачечные, парикмахерские, фотографии) и занятии ремеслом, специализируясь в часовом, ювелирном, столярном и портняжном мастерстве. Специфической сферой японского сервиса была организация домов терпимости, где работали молодые японки в возрасте от 16 до 25 лет. Большим спросом в русских домах пользовались японская прислуга и няни. Важную роль играло японское предпринимательство в области торговли. Ответственное отношение к делу выражалось в стремлении японцев овладеть языком принимающей страны и посещении специального кружка по изучению русского языка [4, с. 167].

В конце XIX в. взаимоотношения русских и японцев носили дружественный характер, что само по себе исключало национальные конфликты. В связи с возникшей довольно рано потребностью в школе для японских детей в 1894 г. при буддийской молельне Владивостока была выделена комната для занятий учащихся младшего школьного возраста. С 1902 г. расходы по содержанию школы были возложены на коммерческого агента Японии и общество «Урадзио кёрюминкай». В учебном заведении работали два учителя и обучались 50 детей. Во время Русско-японской войны, когда почти все японцы покинули пределы края, школа была закрыта. В 1907 г. заново открытая школа существовала под надзором японского консула. В учебном заведении были элементарное и специальное отделения, программы которых различались. Мальчиков и девочек совместно обучали арифметике, чтению, чистописанию, сочинению, этике, гимнастике, пению, рисованию, а также только девочек — рукоделию. В старших классах добавлялись география и японская история, а на специальном отделении — коммерция. С 1910 г. в школьную программу был включён русский язык как обязательный предмет. Первый учитель Идзуми Рёноскэ одновременно преподавал в школе и на вечерних курсах русского языка при «Обществе японцев, проживающих во Владивостоке». Обязанности учителей и учеников регулировались уставом. Например, ученики не могли покидать школу без разрешения учителя, а выходя из школы, должны были идти по улице парами, вести себя вежливо, не останавливаться в опасных местах и не делать покупок. В годы Гражданской войны школа функционировала на ул. Фонтанной в арендуемом отдельном двухэтажном здании, где был актовый зал, использовавшийся также в качестве спортзала, классные комнаты и учительская. В школе обучалось около 200 учеников, преподавание вели пять японских учителей и один русский, назначенный от городской управы. В помещении начальной школы функционировала вечерняя школа русского языка для приказчиков местных японских магазинов, где обучалось около 80 продавцов [4, с. 168; 14, с. 143—145].

Одной из традиционных форм массовой коммуникации являлись библиотеки, которые выполняли досуговую и просветительскую функцию. В 1898 г. по инициативе журналиста «Нихон симбун» г-на Иноуэ была учреждена частная библиотека, насчитывавшая «в своём фонде более 1000 книг». Комплектовалась она «благодаря подаркам заинтересованных лиц и книжных магазинов со всей Японии». Первоначально библиотека функционировала в японском клубе, «но из-за отсутствия хороших условий для хранения» литературы была закрыта, а затем вновь открыта «в японской начальной школе» [14, с. 97].

Важной проблемой оставалась интеграция языка в культуру изучаемого народа в результате межкультурного диалога, когда с помощью слова преодолевалась пропасть непонимания между представителями разных национальностей. С открытием в 1899 г. во Владивостоке Восточного

института стали издаваться учебники на основе современных языков, в то время как в Петербургском университете изучали главным образом классическую литературу народов Востока. Дальневосточные исследователи писали книги о современной истории, географии, экономике, правоведении азиатских стран, поддерживали контакты с учёными зарубежного Дальнего Востока. Усилиями преподавательского состава института была сформирована одна из лучших библиотек России [9, с. 405—406]. Так, её японский отдел содержал большое количество ксилографических и печатных книг по истории и географии. Библиотека обладала полным собранием законов сёгунского и мейдзинского периодов. Обширный фонд художественных произведений охватывал все периоды японской литературы и насчитывал 1994 названия. Кроме того, библиотека выписывала 91 периодическое издание, в том числе 64 — на русском, 14 — на европейских и 13 — на японском языках [8, с. 30—31]. А издание «Известий Восточного института» открыло новую эру в области русского востоковедения, так как разбираемые в них вопросы, при ранее господствовавшем в русской науке теоретическом направлении в изучении Востока, «редко служили предметом специальных исследований русских ориенталистов» [8, с. 20—21]. Таким образом, пробел в освещении дальневосточных событий отчасти был восполнен публикацией в местных периодических изданиях кратких сведений о происходящих в регионе изменениях, которые изучал образовавшийся при институте кружок студентов-ориенталистов. В целом Восточный институт, служа делу изучения дальневосточных стран (Китая, Кореи, Японии), являлся проводником в процессе знакомства с ними русского общества и тем самым способствовал сближению двух противоположных миров и лучшему их взаимному пониманию [8, с. 19—20].

Путешественники, посещавшие в конце XIX — начале XX в. Японию, отмечали в своих воспоминаниях высокий культурный уровень населения. Так, один из них писал: «Япония стоит на очень высокой ступени культуры, хотя эта культура не европейская... в некоторых отношениях она стоит выше европейской, хотя бы потому, что распространяется на все классы. Крестьянин в Японии так же вежлив в обращении, как любой человек из среднего сословия, чего мы никогда не видим в Европе. Железные дороги, а там, где их нет, дилижансы, пароходы, электрическое освещение даже в самых отдалённых деревнях функционировали уже в то время (1897—1901) безупречно...» [1, с. 87].

Культурное взаимодействие в области театрального искусства с его открытыми живыми общественными настроениями, с новыми художественными идеями и веяниями захватывало значительные слои населения, оказывало сильное влияние на формирование и распространение художественной культуры. О русско-японских театральных контактах свидетельствует тот факт, что с 1898 г. на сцене японского театра в Нагасаки с большим успехом шли русские пьесы «Предложение», «Медведь», «Победителей

не судят» и другие в исполнении товарищества актёров под руководством г-на Мурского. В начале 1903 г. супруга бывшего антрепренёра малороссийской труппы г-на Яворского Н.В. Квитко-Яворская поставила спектакли «Ниобея» (не полностью) и «Гейша» (водевиль), которые имели успех даже у не особенно приветливой английской публики. Кружком любителей драматического искусства при японском клубе были поставлены «Перед балом», «Кража», «Ночь», «Дорогой поцелуй», «Игра в прятки», «Которая из двух». Среди членов-исполнителей нашлись играющие на мандолине, балалайках и гитаре, а также чтецы и куплетисты [12, с. 21].

Приобретая уверенность в творческом успехе и привлекая широкие слои населения к достойному времяпрепровождению, дальневосточные культурные учреждения решали сложные организационные и творческие задачи. Местом общения, развлечений и укрепления дружественных связей японских горожан был Владивостокский клуб «Урадзиосутoku нихондзин курабу». В 1902 г. в его состав входило 40 членов, которые платили взносы дважды в месяц. «Клуб могли посещать лишь наиболее зажиточные японцы». Правление состояло из 4 человек, среди которых упоминались глава торгового представительства Тэрами Киити и известный предприниматель Хориэ Наодзо. «В 1910 г. появилось заведение для 70 поселенцев среднего достатка. Здесь можно было провести время за игрой в бильярд, „го“, японские шахматы, за стрельбой из лука, почитать японские газеты и журналы. Были предусмотрены еда и напитки. В кино-театре „Платина“ давались представления театра „Но“, правда, не очень высокого мастерства актёров» [14, с. 97, 149–150].

Как отмечает З.Ф. Моргун, «жившие на чужбине японцы чтили и соблюдали свои традиции». Наряду с этим «они отмечали русские и китайские праздники, так как в их магазинах работали приказчики-китайцы». Каждый вечер японцы «собирались за популярной тогда игрой в „го“. Домохозяйки дарили друг другу каштаны и грибы, побеги бамбука и батат». Один из самых любимых праздников — Новый год — японцы Владивостока «как жители многонационального города отмечали три раза — собственно японский Новый год по солнечному календарю, русский по юлианскому и китайский Новый год по лунному календарю». Но отдыхали только в японский Новый год один день, «когда собирались в большом зале Генерального консульства. Празднично одетые мужчины в европейских костюмах и женщины в кимоно сначала слушали гимн Японии в исполнении школьников, затем под команду Генерального консула все трижды кричали „бандзай“ в честь императора и императрицы Японии. После торжественной церемонии детей угощали яблоками и мандаринами. Взрослые пили сакэ и лакомились традиционными праздничными японскими блюдами... Нередко на праздничном столе присутствовали и русские блюда. Японцам нравились пасхальные сладости, водка, всевозможные закуски. После банкета в консульстве японцы ходили друг к другу в гости» [14, с. 145–146].

Особенно торжественно в японской среде проходили государственные мероприятия. Широко отмечались праздники, связанные с императорской фамилией. Каждый год 11 февраля «в помещении Генерального консульства Японии особо отмечался День основания японского государства... Важные лица из числа японцев приглашались в зал приёмов, украшенный портретами императора и императрицы, после трёхкратного „бандзай“ следовал банкет» [14, с. 147].

Сохранение национальных традиций и обычаев дальневосточных японцев осуществлялось посредством культуры питания. Так, традиционной пищевой основой японцев являлся рис (завезён из Кореи в 1909 г.), причём сорта, характеризующиеся повышенной клейкостью при разваривании. Рыба, моллюски, морские животные при приготовлении подвергались лишь незначительной термообработке (обжарка, приготовление на пару), а некоторые блюда (*сасими*) подавались просто в сыром виде. В японской кухне широко применялись морские водоросли, соя, фасоль, морковь, огурцы, капуста, салат, васаби, белый редис, дайкон, бамбук, лотос, батат. Лапшу (*рамэн, соба, удон*) использовали в супах, салатах, в качестве гарнира к рыбным и мясным блюдам. Повседневной домашней едой были рис и овощи, приготовленные по-японски. В наиболее зажиточных семьях на завтрак подавались хлеб и чёрный чай. В чайной церемонии использовались не пиалы или чашки/стаканы, а глубокие округлые чаши или миски под названием *тяван*, в которых заваривали чай для нескольких гостей. Отпив из такой чаши, её полагалось отработанным ритуальным движением повернуть на определённый угол, чтобы сосед мог отпить свою долю, прикасаясь губами к чистому месту чаши. Японское сакэ стоило довольно дорого в связи с высокой пошлиной на его ввоз, поэтому японцы пили вина русского и французского производства, русскую водку. При общении с рядом живущим русским населением японцы перенимали его обычаи. Например, в домах зажиточных японцев всегда были русский самовар, посуда для чаепития. Дети любили русские сладости: пряники, бублики, ириски, карамель. Японцы ходили в гости в русские семьи, на пикники, ловили рыбу со льда Амурского залива, радовались празднику Святой Пасхи [14, с. 148–149; 18, с. 155–156].

Традиционной национальной одеждой японцев было кимоно, как для мужчин, так и для женщин. На нижнюю рубаху *дзюбан* надевалось основное кимоно *нагаги*, подгонялось по росту и закреплялось узким пояском, поверх которого завязывался широкий декоративный пояс *оби*. На ноги надевали белые носки *таби* с отдельным большим пальцем. Летнее повседневное кимоно без подкладки называлось *юката*. Женское кимоно отличалось от мужского покроем рукавов — в женском костюме они служили карманами. Длинные волосы укладывались в традиционную японскую причёску. На ногах носили сандалии *дзори*, изготовленные из соломы, кожи, резины и других материалов, или обувь из дерева на двух подставках — *гэта*, хотя в холодное время года большинство японцев

предпочитало европейскую обувь. Мальчики школьного возраста носили европейскую одежду и обувь, девочки — японскую национальную одежду из хлопчатобумажных тканей, в школу ходили в европейской обуви, в быту использовали *гэма* [14, с. 147; 18, с. 155].

Вообще Япония на протяжении длительного времени оставалась закрытой для европейцев. Русско-японская война 1904—1905 гг. заставила по-новому взглянуть на восточного соседа. Стали появляться «японские публикации» разной тематики, охватывающие практически все стороны деятельности японцев — экономическую, политическую, военную, художественную, литературную, что восполняло скудные знания о Японии в России. Большую исследовательскую работу в этом направлении проводили Восточный институт во Владивостоке, Общество русских ориенталистов, Приамурский отдел Императорского общества востоковедения и др. Здесь издавались переводы и оригинальные исследования, читались лекции, доклады и делались сообщения [1, с. 45—46]. «Вся многообразная и обильная китайско-японская литература свободно и легко обращалась в народе при помощи бесчисленного множества библиотек для чтения» [1, с. 45].

Уже в 1900—1910-х гг. японские литераторы Токутоми Рока, Уэда Бин, Фтабатэй Симэй, Утида Роан в журналах «Ро-о-а бунгаку» («Литература России, Европы, Америки»), «Нити-ро гэйдзюцу» («Искусство Японии и России») знакомили своих соотечественников с русской классической литературой XIX в., особенно с прозой Толстого и Достоевского. В 1910 г. их книги считались бестселлерами и открывали «списки лучших книг года». Не менее популярными были произведения Тургенева, Гоголя, Чехова, Гончарова, Горького, проза Пушкина [1, с. 39—40]. Влияние русских писателей не ограничивалось литературными рамками, они интересовали японцев с точки зрения новых философских идей, иного мирозерцания, «чужого» культурного материала. К 1916 г. в истории русско-японского сближения «был преодолён некий синкретизм восприятия, русская литература воспринималась не как расплывчатое целое», определились «индивидуальные черты отдельных писателей: они как бы приблизились к японцам, которые стали видеть их более крупным планом» [1, с. 41—42].

В XX в. появились новые формы культурной активности, позволяющие больше узнать о странах, ранее считавшихся экзотическими, в том числе о Японии. Большую работу в этом направлении проводило Владивостокское общество «Приморский экскурсант», организовывая познавательные экскурсии в соседние страны. Например, в 1914 г., путешествуя по Японии, экскурсанты «совершили поездку в Нару, посетили два знаменитых храма, в одном из которых видели священный танец „Одари“, в другом любовались грандиозной фигурой Дайбутсу», в Киото «совершили прогулку по главной улице и посетили кинематограф», который вызвал интерес не как таковой, а как «место, где можно было наблюдать живую

японскую толпу». Посещение парка Маруяма с его священной тысячелетней вишней, зоологического сада, фарфорового завода, где «для экскурсантов продемонстрировали весь процесс производства фарфоровых изделий», а также «путешествие на лодках по р. Хоцукова», купание и пребывание в Арассиоямо вызвали живой обмен впечатлениями [ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 323. Л. 1]. Беседы о Японии, ежедневные прогулки в свободные вечера и «даже открывшийся среди экскурсантов шахматный турнир» способствовали взаимопониманию, а своеобразие национальной культуры и природного богатства соседнего государства оставляло незабываемое впечатление.

О пробуждающемся интересе японцев к русской культуре свидетельствует тот факт, что в 1916 г. оркестр народных инструментов Хабаровского реального училища в количестве 30 человек под руководством старшекурсника Ю. Тимофеева побывал на гастролях в Стране восходящего солнца, «где с успехом выступил в Токио, Нагасаки, Иокогаме». Приглашение музыкального коллектива из России косвенным образом подтверждает признание Японией «достижений России в освоении дальневосточных рубежей» [6, с. 52].

После Февральской буржуазно-демократической революции, провозгласившей в России свободу слова, печати, собраний, появилась возможность издания во Владивостоке японской газеты «Урадзю ниппо» (1917—1922 гг.). С 1920 г. издание выходило на двух языках: японском и русском. Одним из основных направлений деятельности газеты было освещение политики японского военного командования на территории Приморья. В 1921 г. по инициативе газеты был образован Русско-японский клуб, который первоначально разместился в помещении ресторана «Централь». 9 июня на церемонии открытия «играл венский оркестр, гостям предлагали различные игры: лото, карты, шахматы, домино. Работал ресторан. По субботам проводились танцы и ставились театральные представления. Например, уже 30 июня состоялся грандиозный „Меланж“ японского артиста Ито. В состав клуба входили в основном коммерсанты. Общество поддерживалось из Токио, откуда оно получило субсидию в 5 тыс. иен». 3 февраля 1921 г. по инициативе газеты был создан детский японо-русский клуб во Владивостоке, целью которого было «воспитание детей на способе любви, улучшения вкуса и развлечений». В клубе была библиотека для детей, проводились занятия по музыке и художественному творчеству, беседы, читались сказки, составлялся журнал, родители изучали системы воспитания, работал совет. Отделение детского клуба имелось в Токио [14, с. 191, 213, 216].

В январе 1921 г. по инициативе журналистов Р. Идзуми, С. Накаямы, Х. Ямаути был создан «Союз японских корреспондентов во Владивостоке». Они считали, что в ситуации, когда «была образована ДВР и состоялись выборы в Учредительное собрание... стало желательным сближение

Японии с Россией, которое должно состояться вне зависимости от того, какую политику по отношению к Японии будет проводить Учредительное собрание». Целью союза было «объединять и возбуждать общественное мнение Японии и России для закрепления дружественных отношений между двумя странами» [14, с. 213—214].

Редакция газеты «Урадзю ниппо» принимала активное участие в культурной жизни города. Так, 16 января 1922 г. в театре «Золотой Рог» она провела концерт в пользу голодающих Владивостока, первое отделение которого было японским, второе — русским. А с 1 февраля в помещении фирмы «Оборот» была организована выставка картин русских и японских художников. 4 июля 1922 г. по инициативе русских журналистов состоялся банкет для представителей русской и японской прессы с целью объединения журналистских сил и обмена мнениями [14, с. 215].

Таким образом, рассмотрение отдельных форм культурного взаимодействия русских и японцев на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX в. позволило обнаружить следующие тенденции. Во-первых, можно констатировать, что в указанный период в регионе в основном сложились социально-демографические условия, необходимые для формирования постоянной и достаточно многочисленной японской диаспоры. Во-вторых, японских мигрантов в культурной сфере отличали наибольшая замкнутость и автономность. Активная внутренняя культурная (языковая, информационная и ценностная) консолидация превращала зоны их компактного проживания в анклав, практически не доступные для процессов аккультурации. В то же время в условиях вынужденной адаптации возрастала частота культурных контактов с «иной», русской культурой, что приводило к неизбежному заимствованию элементов «чужого», включению их в собственную традицию. В-третьих, проблемы повседневной культурной жизни японцев на территории российского Дальнего Востока решались с помощью выработки эффективных форм сотрудничества между обеими странами, создания общего языка двустороннего диалога и, как следствие, — появления новых форм межкультурного взаимодействия. В целом русско-японские контакты свидетельствовали о культуре как фундаментальной основе процесса развития, сохранения, укрепления суверенитета и самобытности народа, находящегося в инонациональном окружении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский К.М., Дьяконова Е.М. Бальмонт и Япония. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2017. 304 с.
2. Алепо Н.А. Экономические отношения России и Японии на Дальнем Востоке (1855—1903 гг.). Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2011. 284 с.
3. Анарина Н.Г. Японский театр Но. М.: Наука, 1984. 213 с.

4. Анча Д.А., Калинин В.И., Позняк Т.З. Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскелла. 11 августа 1919 — 23 февраля 1920. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 324 с.
5. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 246 с.
6. Барашок И.В. История народно-инструментальной музыкальной культуры юга Дальнего Востока России (конец XIX — начало 90-х гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. 240 с.
7. Галлямова Л.И. Развитие российско-японских региональных связей на Дальнем Востоке. Вторая половина XIX—XX вв. Основные аспекты // Россия и АТР. 2003. № 1. С. 74—78.
8. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899—1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.
9. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.: ил.
10. История культуры Дальнего Востока России (XIX в. — 1917 г.). / отв. ред. Л.И. Галлямова, Л.Е. Фетисова. Владивосток: Дальнаука, 2011. 300 с.
11. Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII—XIX вв. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 111 с.
12. Кугель А. Театральные заметки // Театр и искусство. СПб., 1904. № 1. С. 21.
13. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М.: Изд-во ИМО, 1962. 560 с.
14. Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860—1937 (Картина жизни Владивостока на примере японской диаспоры). Владивосток, Приморский гос. музей им. В.К. Арсеньева, 2014. 310 с.
15. Подалко П.Э. Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX — начале XX века. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. 352 с.
16. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
17. Тамура А. Деятельность японцев во Владивостоке: последняя треть XIX в. — 20-е годы XX в. (по данным японских материалов) // Известия Восточного института. 2005. № 9. С. 128—138.
18. Этноатлас Приморского края / отв. ред. Г.Г. Ермак, Т.И. Табунщикова. Владивосток: 48 часов, 2019. 248 с.: ил.
19. ХКМ (Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова г. Хабаровск).

REFERENCES

1. Azadovskiy K.M., D'yakonova E.M. *Bal'mont i Yaponiya* [Balmont and Japan]. Second edition, revised and supplemented. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, 304 p. (In Russ.)
2. Alepko N.A. *Ekonomicheskiye otnosheniya Rossii i Yaponii na Dal'nem Vostoke (1855—1903 gg.)* [Economic Relations between Russia and Japan in the Far East (1855—1903)]. Khabarovsk, Izd-vo TOGU Publ., 2011, 284 p. (In Russ.)
3. Anarina N.G. *Yaponskiy teatr No* [The Japanese Theater No]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 213 p. (In Russ.)
4. Ancha D.A., Kalinin V.I., Poznyak T.Z. *Vladivostok v fotografiyakh Merrilla Khaskella. 11 avgusta 1919 — 23 fevralya 1920* [Vladivostok in the Photographs of Merrill Haskell. August 11, 1919 — February 23, 1920]. Khabarovsk, RIO TIP Publ., 2009, 324 p. (In Russ.)

5. Arutyunov S.A. *Narody i kul'tury: razvitiye i vzaimodeystviye* [Peoples and Cultures: Development and Interaction]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 246 p. (In Russ.)
6. Barashok I.V. *Istoriya narodno-instrumental'noy muzykal'noy kul'tury yuga Dal'nego Vostoka Rossii (konets XIX — nachalo 90-kh gg. XX v.): dis. ... kand. ist. nauk* [The History of Folk Instrumental Musical Culture of the Southern Far East of Russia (End of the 19th — Beginning of the 90s of the 20th Century)]. PhD in hist. sci. diss.]. Vladivostok, 2007, 240 p. (In Russ.)
7. Gallyamova L.I. *Razvitiye rossiysko-yaponskikh regional'nykh svyazey na Dal'nem Vostoke. Vtoraya polovina XIX—XX vv. Osnovnyye aspekty* [The Development of Russian-Japanese Regional Ties in the Far East. The Second Half of the 19th — 20th Centuries. The Main Aspects]. *Rossiya i ATR*, 2003, no. 1, pp. 74—78. (In Russ.)
8. *Dal'nevostochnyy gosudarstvennyy universitet. Istoriya i sovremennost'. 1899—1999* [Far Eastern State University. History and Modernity. 1899—1999]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1999, 704 p. (In Russ.)
9. *Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v epokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. — fevral' 1917 g.)* [The History of the Far East of the USSR in the Era of Feudalism and Capitalism (the 17th Century — February 1917)]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 471 p., il. (In Russ.)
10. *Istoriya kul'tury Dal'nego Vostoka Rossii (XIX v. — 1917 g.)* [The History of Culture of the Far East of Russia (the 19th Century — 1917)]. Executive ed. L.I. Gallyamova, L.E. Fetisova. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011, 300 p. (In Russ.)
11. Kozhevnikov V.V. *Rossiysko-yaponskiye otnosheniya v XVIII—XIX vv.* [Russian-Japanese Relations in the 18th — 19th Centuries]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1997, 111 p. (In Russ.)
12. Kugel' A. *Teatral'nye zametki // Teatr i iskusstvo*. Saint Petersburg, 1904, no 1, p. 21. (In Russ.)
13. Kutakov L.N. *Istoriya sovetsko-yaponskikh diplomaticheskikh otnosheniy* [The History of Soviet-Japanese Diplomatic Relations]. Moscow, Izd-vo IMO Publ., 1962, 560 p. (In Russ.)
14. Morgun Z.F. *Yaponskaya mozaika Vladivostoka: 1860—1937 (Kartina zhizni Vladivostoka na primere yaponskoy diaspor)* [Japanese Mosaic of Vladivostok: 1860—1937 (A Picture of the Life of Vladivostok on the Example of the Japanese Diaspora)]. Vladivostok, Primorskiy gos. muzey im. V.K. Arsen'yeva Publ., 2014, 310 p. (In Russ.)
15. Podalko P.E. *Yaponiya v sud'bakh rossiyan: Ocherki istorii tsarskoy diplomatii i rossiyskoy diaspor v Yaponii v kontse XIX — nachale XX veka* [Japan in the Fate of the Russians: Essays on the History of Royal Diplomacy and the Russian Diaspora in Japan in the Late 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, In-t vostokovedeniya RAN, Kraft+Publ., 2004, 352 p. (In Russ.)
16. Poznyak T.Z. *Inostrannyye poddannyye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Foreign Partials in the Cities of the Russian Far East (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2004, 316 p. (In Russ.)
17. Tamura A. *Deyatel'nost' yapontsev vo Vladivostoke: poslednyaya tret' XIX v. — 20-e gody XX v. (po dannym yaponskikh materialov)* [Activities of the Japanese in Vladivostok: the Last Third of the 19th Century — 20s of the 20th Century]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2005, no. 9, pp. 128—138. (In Russ.)
18. *Etnoatlas Primorskogo kraya* [Ethnoatlas of the Primorsky Region]. Executive ed. G.G. Ermak, T.I. Tabunshchikova. Vladivostok, 48 chasov Publ., 2019, 248 p., il. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 04.04.2020